

Глава 1

Амиго Мануэль

Приятно смотреть с высокой кручи на Тихий океан, попивая знаменитый перуанский напиток, приготовленный из местной водки писко, сдобренной лаймом, сахарным сиропом, взбитым белком и парой капель ангостуры. Именно этим занялся Быков, когда ему надоело гулять по Мирафлоресу. Этот самый шикарный район Лимы походил на нескончаемый торговый центр, по проходам которого пустили потоки сверкающих автомобилей, предусмотрительно устлав полы «лежачими полицейскими», не позволяющими разогнаться до скорости хотя бы шестьдесят километров в час.

Находясь здесь, можно было вообразить, будто все население перуанской столицы состоит из автомобилистов и пресыщенных туристов, кочующих из кафе в бутики и обратно. Как всякое поверхностное впечатление, оно было обманчиво. На самом деле Лима, как успел убедиться Быков, представляла собой гигантское скопище бедняков.

Официально здесь проживало девять миллионов человек. Неофициально — все пятнадцать, то есть примерно половина населения страны. Все они приехали сюда в поисках работы, которой хватало одному из десяти. Быкова предупредили, что за пределы центра после захода солнца лучше не соваться, но он успел убедиться в том, что и среди бела дня бродить по неблагополучным кварталам столь же опасно, как и ночью. В каком-нибудь километре от центра Лимы уже не было электричества, канализации и водопровода. Там проживали выродившиеся потомки индейцев.

Сделав глоток коктейля, Быков облизал сладковатые усы и посмотрел на океан. Гребни прибрежных волн оседлали стайки серферов. День выдался солнечный, поэтому пляжи были полны народа. Два предыдущих дня по небу ползли низкие облака, сочащиеся дождями, не приносящими спасения от липкой, влажной духоты. Быков прочитал в интернете, что в Лиме погожими бывают сто дней в году, в остальное время здесь пасмурно. Так и кажется, что вот-вот хлынет настоящий проливной дождь, однако этого не происходит. Какие-то фокусы местного холодного течения, являющегося причиной постоянной облачности. Такое впечатление, что находишься в парнике.

Быков приготовился поднять руку, чтобы подозвать официанта, расплатиться и уйти, но тут у него за спиной прозвучало:

— О, какой встреч! Мон амиго Дима! — Имя было произнесено с ударением на последнем слогe. — *Nace tiempo que no le he visto.*

Последняя фраза была эквивалентом нашего «давненько тебя не было видно» и ложью чистой воды, потому что Быков расстался с Мануэлем только позавчера вечером — расстался не без облегчения, словно избавился от жевательной резинки, приставшей к подошве. При массе достоинств Мануэль был чересчур прилипчив и говорлив. Помножьте все это на жгучий южноамериканский темперамент — и вы получите человека, от общения с которым устаешь, как от тяжелой работы.

— Салют, — поздоровался Быков, улыбаясь несколько шире, чем требовалось, потому что не в его правилах было отвечать холодностью на приветливость.

В принципе, Мануэль был хорошим парнем: веселым, открытым, улыбчивым. Внешность у него была как у Аль Пачино в старых гангстерских фильмах, тем более что перуанец любил одеваться во все черное, коротко стриг бороду и гладко зачесывал блестящие волосы назад.

— Душно, — сказал Мануэль, усаживаясь напротив.

Он неплохо говорил по-русски, потому что в свое время окончил Московский университет. Испанские словечки и выражения Мануэль вставлял, скорее, для колорита, а не по причине скудности лексикона. Такая своеобразная приправа.

— Похоже на грозу, — заметил Быков.

— Нет, гроза не быть, — авторитетно заявил Мануэль. — Здесь редко гроза. Пирамиды смотреть?

— Да. Красивые.

На самом деле лимские пирамиды Быкову не понравились. Они совсем не походили на египетские или мексиканские. Это были гигантские кучи глины, уложенной пластами. Фотографировать их Быков не стал. Он приехал, чтобы сделать репортаж о корриде. Мануэль вызвался помочь ему в этом. По его словам, он когда-то сам чуть не стал тореадором и сохранил полезные связи. Быков хотел снять изнанку корриды, проникнув на арену с черного хода, и очень рассчитывал на содействие Мануэля.

Они познакомились на ветреной набережной, прозванной местными жителями Коста-Верде, что означает «зеленый берег» (который на самом деле был бурым, а местами — желто-коричневым). Мануэль, распушивший хвост перед туристкой-блондинкой, попросил Быкова щелкнуть их на фоне какой-то церквушки. Час спустя перуанец, вместо того чтобы обхаживать блондинку, увязался за Быковым, перемежая рассказы о богатых родственниках сетованиями на крайнюю нужду.

— Хочу бизнес начать, — пояснил он, жестикулируя так, что Быкову приходилось быть начеку, чтобы не попасть ему под руку. — Деньги нужны. Учи меня фото, Димá. Буду продавать фото в Штаты, как ты. Как много долларов они платить?

Пришлось долго объяснять ему, что стать фотографом так же непросто, как, например, художником. Мануэль, правда, не поверил, но не обиделся, а выдвинул новое предложение:

— Я быть твой гид, Димá. Знаю каждый улица, каждый дом. Что хочешь увидеть?

— Только корриду, — сказал Быков, надеясь, что этим разговор и закончится.

Он ошибался. Мануэль оказался экспертом по перуанским боям быков. Он заявил, что может провести Быкова на стадион за два часа до начала представления, после чего они задержатся там, чтобы сделать снимки усталых матадоров и убитых быков.

— Если повезет, — сказал Мануэль, — матадор тоже будет мертвый.

— Не дай бог! — испугался Быков. — Типун тебе на язык.

— Что есть типун?

— Понимаешь...

Пока Быков путано объяснял, что он имел в виду, Мануэль лишь делал вид, что слушает, а сам посылал огненные взгляды в сторону скандинавских туристов, появившихся в поле его зрения. Но потом колоссальным усилием воли он взял себя в руки и заставил вернуться к важному для себя разговору.

— Я брать мало, — сказал Мануэль, показывая кончик мизинца. — Ты мой друг, Димá. — Опять это нелепое произношение с ударением на «а». — Плата пять сотен доллар.

— Нет, — покачал головой Быков. — Это для меня слишком много. Я не из Лихтенштейна приехал.

— Из Лихтенштейна?

— Забудь. Просто я не могу выложить пятьсот долларов за удовольствие пройти с черного хода. Я лучше себе билет куплю.

— Ничего не видно с трибуна, — предупредил Мануэль. — Маленькие люди, маленькие быки. Кто купит такая фотография?

Тут он был прав. Но за свою достаточно долгую карьеру фотографа Дмитрий Быков успел усвоить, что нельзя ни на что соглашаться, не поторговавшись как следует и не попытавшись добиться максимально выгодных для себя условий. Чем беднее страна, в которой работаешь, тем больше в ней всякого рода жуликов и проходимцев, желающих за-

получить твой бумажник. Бедный человек совсем не обязательно честен, даже, пожалуй, наоборот. Голод и нищета пробуждают в людях далеко не самые лучшие качества. Мануэль Быкову нравился, но не настолько, чтобы безропотно отдавать ему свои денежки. Не с неба упавшие, кстати говоря. Они были заработаны не самым тяжелым, но часто рискованным трудом.

— Сто долларов, — сказал Быков. — Половину вперед.

— Я должен буду платить людям на стадион, — напомнил Мануэль. — Все хотеть мани-мани.

— А ты им не плати. Просто проведи меня — и все.

— Хорошо. Четыреста доллар.

В конечном итоге сошлись на ста пятидесяти. Семьдесят пять Мануэль взял сразу и тут же исчез. А теперь вдруг объявился в Мирафлоресе: здрастье, мол, давненько тебя не было видно, Дима. Переведя разговор с погоды на пирамиды, а потом — на животрепещущую тему фасонов современных купальников, Мануэль то и дело поглядывал на стакан Быкова. Пришлось заказать и ему такой же.

— Когда на стадион? — спросил Быков, глядя в шоколадные глаза перуанца.

Тот поперхнулся напитком, а когда откашлялся, заявил:

— Сегодня. Я бегать тебя искать весь город. Сегодня воскресенье, день коррида. Я бояться тебя не найти.

Быкову стало стыдно. Он часто давал себе зарок не думать о людях плохо, пока они не сделают какую-нибудь гадость, но редко сдерживал это обещание.

— Почему не позвонил? — спросил Быков, чувствуя, как лоб, щеки и шея наливаются предательским жаром.

— Денег счет нет. — Мануэль развел руками.

— Я же тебе заплатил.

— О, эти деньги пошли на стадион. Ты мой амиго, Димá. Я не оставляю себе ни один сантим.

Быков принялся вытирать лицо салфеткой, как будто надеясь избавиться от вызванного смущением румянца.

— Во сколько? — спросил он.